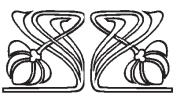
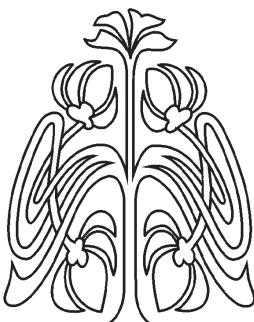
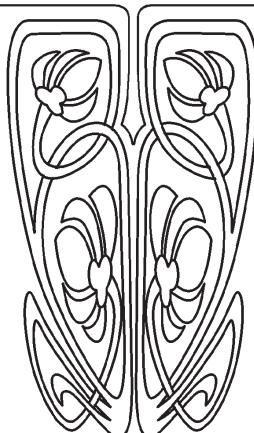

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 1 (53). С. 16–26

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2025, vol. 14, iss. 1 (52), pp. 16–26

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-1-16-26>

EDN: JFZUBQ

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Трансформационная одаренность личности: роль профессиональной идентичности и субъектности

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена запросом общества на выявление и поддержку одаренных людей, представляющих собой неотчуждаемый капитал и ресурс его инновационного развития, а также важностью определения детерминант и механизмов одаренности в онтогенетическом, социокультурном и социально-психологическом контекстах. Представлен анализ трансформационной одаренности личности, которая предполагает устойчивую амплификацию природного дара, уровня мастерства и самосовершенствования, артикуляцию нового профессионального видения, создание новаторского языка, продуктивное воздействие на профессиональное преобразование Других и конструктивное влияние на культуру в целом. **Цель:** выявление многомерных доминантных динамических личностных образований, выступающих необходимой основой для трансформации таланта личности в преобразующую одаренность в рамках определенного социокультурного хронотопа. В качестве исследовательского кейса трансформационной одаренности предлагается «архитектура жизни» Константина Степановича Мельникова – выдающегося русского архитектора мирового уровня, новатора, значительно опередившего время, предложившего новый взгляд на смысловое наполнение архитектуры и ее философию, пережившего «золотой сезон» своего триумфа и десятилетия забвения. Феноменологический анализ проводится на основе нарративов самого Мельникова, через реконструкцию его субъективных репрезентаций и понимания себя и мира. **Результаты:** выявлены два важнейших интрапсихических регулятора трансформационной одаренности, которые выступают необходимой основой превращения ресурса дарования в трансформационную одаренность – устойчивая профессиональная идентичность, связанная с глубокой вовлеченностью и субъективной удовлетворенностью выбранной ролью и сформированным духовно-ценностным отношением к профессии; субъектность, определяющая уровень самоуправления и жизнетворчества личности в социальной среде. **Выходы:** для достижения синергетического эффекта от интеграции профессиональной идентичности и субъектности личности как необходимых предпосылок трансформационной одаренности важен социокультурный контекст, в рамках которого создаются условия для ее проявления и амплификации, а сама одаренная личность выступает субъектом культуры.

Практическая значимость: результаты теоретической рефлексии могут служить основой для разработки технологий психологического сопровождения одаренной личности, фасилитации ее субъектности и формирования устойчивой профессиональной идентичности.

Ключевые слова: одаренность, продуктивная одаренность, трансформационная одаренность, темпоральная идентичность, устойчивая профессиональная идентичность, субъектность, синергетический эффект

Для цитирования: Рягузова Е. В. Трансформационная одаренность личности: роль профессиональной идентичности и субъектности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 1 (53). С. 16–26. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-1-16-26>, EDN: JFZUBQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transformational giftedness of a personality: The role of professional identity and the person's agency

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The relevance of the research is determined by the two factors. Firstly, there is a social demand to identify and support gifted people, who represent an inalienable capital and a resource for the innovative development of society. Secondly, it is important to identify the determinants and mechanisms of giftedness in ontogenetic, socio-cultural and socio-psychological contexts. The article analyzes the transformational giftedness of a person, which involves a steady amplification of a natural talent, the mastery level and self-improvement, the articulation of a new professional vision, the creation of an innovative language, a productive impact on the professional transformation of Others and a constructive impact on culture as a whole. The study *objective* is to identify multidimensional dominant dynamic personality formations, which serve as the necessary basis for the transformation of a person's talent into transformative giftedness within a certain socio-cultural chronotope. As a research case of transformational talent, the study proposes "architecture of life" by Konstantin Stepanovich Melnikov, an outstanding world-class Russian architect, an innovator who was significantly ahead of his time, offered a new view of the semantic content of architecture and its philosophy, and survived the 'golden season' of his triumph and decades of oblivion. The phenomenological analysis is based on the narratives of Melnikov himself, through the reconstruction of his subjective representations and understanding of himself and the world. *Results:* two important intrapsychic regulators of transformational giftedness have been identified. They form the necessary basis for turning a talent resource into transformational giftedness: a stable professional identity associated with deep involvement and subjective satisfaction with the chosen role and the developed value and moral attitude towards the profession; person's agency, which determines the level of self-management and life-creation of a personality in a social environment. *Main conclusions:* the socio-cultural context is important in achieving a synergetic effect from the integration of the professional identity and personal agency as necessary prerequisites for transformational giftedness. Within this context conditions are created for the manifestation and amplification of a gifted personality, and the gifted person oneself acts as a subject of culture. *Practical Significance:* the results of the theoretical reflection can serve as a basis for the development of technologies for psychological support of a gifted person, facilitation of the person's agency and the formation of a stable professional identity.

Keywords: giftedness, productive giftedness, transformational giftedness, temporal identity, stable professional identity, agency, synergetic effect

For citation: Ryaguzova E. V. Transformational giftedness of a personality: The role of professional identity and the person's agency. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2025, vol. 14, iss. 1 (53), pp. 16–26 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-1-16-26>, EDN: JFZUBQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

К счастью для человеческой истории одаренные люди существуют и существовали всегда во все времена и эпохи. Они расширяют горизонты видения и понимания мира, себя и Другого; изменяют траекторию и вектора развития цивилизации; трансформируют культурные коды и конструируют новые смысловые алфавиты, вызывая у современников иногда восхищение, зависть и удивление, но чаще недоумение и отторжение, тревогу и опасения, считая, что воплощение креативных и новаторских идей представляет угрозу сложившейся традиции в той или иной сфере функционирования челове-

ка, идет в разрез с общепринятыми взглядами и воспринимается как нечто, нарушающее их. История культуры и искусства, науки и техники изобилует примерами подобных гениев, об изобретениях которых сейчас знает весь мир или широкий / узкий круг специалистов, но иногда их новации, да и они сами остаются в тени истории, забытые и непринятые, ждущие признания и обретения права собственного голоса. Почему так происходит? Какие факторы определяют творческий успех одаренной личности? Каково значение социокультурного и внутриличностного контекста в проявлении одаренности?

Целью данного исследования является выявление многомерных доминантных динамиче-

ских личностных образований, выступающих необходимой основой для трансформации таланта личности в преобразующую одаренность в рамках определенного социокультурного хронотопа.

В центре нашего исследовательского интереса находится феномен одаренной личности, в частности, архитектора Константина Степановича Мельникова – гения XX века, идеи которого опередили время, «визитера из будущего», признанного зарубежными коллегами и отлученным чиновниками на 40 лет от практики любимой Архитектуры (именно так, с большой буквы он обозначал дело своей жизни, самостоятельно выстраивая ее проект) [1], обвинив в трюкачестве и формализме и разрешив (да и то не сразу!) только преподавание. Выбор в качестве исследовательского кейса именно истории жизни К. С. Мельникова обусловлен несколькими причинами: во-первых, профессиональным интересом к проблемам самоопределения личности в контексте ее взаимоотношений и взаимодействий в формате «Я – Другой» и вопросам гениальности и одаренности, воплощением которой, безусловно, является К. С. Мельников, во-вторых, личностным коммуникативным, эстетическим и эмоциональным откликом на его архитектурные послания и, в-третьих, удивительным топографическим пересечением, в качестве которого выступает город Саратов – родной город автора и важная веха на жизненном пути опального К. С. Мельникова, ссылка, как говорили в семье, после которой дела пошли на поправку [2]. Саратов стал местом его недолгого пребывания и преподавания в автодорожном институте, где и по сей день на здании Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина можно увидеть мемориальную доску с таким текстом: «Здесь с 1949 по 1951 преподавал выдающийся архитектор Мельников».

Теоретический анализ трансформационной одаренности

На основании проведенного нами ранее анализа теорий, концептуализирующих понятие одаренности, условно были выделены три традиционные исследовательские оптики, сфокусированные на проблематизации данного феномена и конституирующие различные структурные компоненты, аспекты и фазы его

проявления [3]: личностно-ориентированная оптика, имеющая отношение к рассмотрению одаренности как природной данности, системного качества личности, его сложной природы и многообразных источников; социально-ориентированный вектор видения проблем одаренности, связанный с изучением развивающей образовательной среды и трактовкой одаренности как личностного потенциала, актуализация которого возможна при определенных условиях и поддержке, и социокультурная оптика, акцентирующая внимание на позиционировании одаренной личности как субъекта культуры, которая определяет и задает своеобразный формат взаимной ответственности как за воплощение личностного дара, так и его социальное приятие и признание.

Полностью солидаризируемся с мнениями Д. Б. Богоявленской, Г. П. Пирлик [4], В. И. Кабрина [5], Д. В. Ушакова [6], Н. Б. Шумаковой [7], Е. И. Щеблановой [8], В. С. Юркевич [9], R. J. Sternberg [10], согласно которым акцент в изучении одаренности в настоящее время смещается с интеллектуальных составляющих на увеличение их взаимосвязанности с не когнитивными компонентами одаренности, с персональных профилей одаренной личности – к сценариям ее становления, с учета влияния на развитие одаренности социального окружения к анализу воздействия широкого социокультурного контекста, с предикторов одаренности к духовно-ценостному измерению жизни одаренной личности и онтогенетическим трансформациям одаренности, предполагающим следующую личностную рефлексию – от дара к ответственности за него.

Наша идея об одаренности как системном синтезе онтологической данности определенного дара и его социокультурной заданности в рамках того или иного хронотопа хорошо вписывается в новый исследовательский тренд иозвучна научным представлениям А. J. Tannenbaum [11] и R. J. Sternberg [12].

А. J. Tannenbaum [11] позиционирует одаренность как способность выполнять определенную деятельность, направленную на обогащение человеческой цивилизации, и описывает ее как открытую динамичную систему, включающую общие способности, особые способности, неинтеллектуальные компоненты (социальные, эмоциональные и поведенческие характеристики), социальную поддержку (запросы и инвестиции общества, влияние родителей и семейного

окружения, учителей, наставников и сверстников), и даже случайность как предоставление личности и ее окружению возможности, выбора, шанса.

R. J. Sternberg [12, 13] рассматривает одаренность как опыт в развитии, считая, что все показатели одаренности – интеллект, креативность и мудрость – оценивают в определенной степени тот или иной опыт личности и полагает необходимым создавать условия для преобразования имеющегося у нее потенциала в определенные компетенции, их дальнейшее целенаправленное развитие до экспертного уровня, который и обеспечивает продуктивное творчество.

Интерес для нашего анализа представляет также мегамодель развития таланта ММРТ (Talent Development Megamodel – TDMM), разработанная R. F. Subotnik с соавторами [14], вернее та ее часть, в которой констатируется, что: 1) одаренность отражает ценности общества и проявляется в реальных результатах и достижениях личности; 2) существует необходимость не просто идентифицировать того или иного человека как одаренного, а типизировать его в связке с конкретной сферой приложения одаренности; 3) наличие ярко выраженных способностей не гарантирует творческой продуктивности и успешности, поскольку проявления одаренности личности существенно зависят от ее окружения и внешнего контекста; 4) необходим учет сформированности социальных навыков у одаренной личности и освоение ею инсайдерского знания – негласных правил, традиций и норм той или иной группы.

Заслуживает внимания модель продуктивной одаренности S. J. Paik с соавторами, включающая в себя следующие этапы [15]: *потенциал* как наличие ярко выраженных и рано проявляющихся способностей личности; *раскрытие* – их обнаружение и развитие, влияние окружающих Других, от которых требуется поддержка, забота, признание, а иногда контроль и давление; *совершенствование* – стадия, предполагающая высокий уровень мотивированности личности, ее целеустремленность и направленность на достижение определенного результата и профессионального роста; *мастерство* как этап высокой профессиональной компетентности, сформированность которой обеспечивает одновременное появление ответов на профессиональные вопросы что и как делать, высокую продуктивность и эффективность деятельности, свидетельствуя о профессиональной идентичности и уровне

личностной зрелости; последний этап в предложенной модели – *возвышение*, трактуемый как гармоничный результат баланса профессиональной самореализации личности и социального признания ее профессиональных заслуг.

Рассмотренные модели обладают высоким эвристическим потенциалом и отличаются тем, какой набор структурных компонентов и атрибутов составляет одаренность личности, но важным и значимым для нас являются три инвариантных тезиса: 1) проявление и принятие одаренности зависит от ценностей и запросов общества; 2) одаренность претерпевает изменения во времени и связана с идентичностью личности; 3) одаренность личности имеет этическую, духовно-нравственную составляющую.

Еще одним важным моментом для нашей рефлексии одаренности является вопрос о ее видах. Мы согласны с В. Г. Грязева-Добшинской и В. А. Петровским в том, что, говоря об одаренных детях, правомерно рассматривать их как возможных авторов своей творческой судьбы [16] и обозначать потенциальную одаренность как эксклюзивный индивидуальный дар, который могут распознать и идентифицировать Другие, непосредственно взаимодействуя с ребенком, создавая для его развития благоприятные условия, поддерживая и усиливая мотивацию, поисковую активность и интерес, формируя профессиональную компетентность и доводя ее до экспертного уровня.

Одаренность взрослого – это продуктивная одаренность, которая открывается только в творческом процессе и реализуется, по В. И. Кабрину [5], как жизнеобразующий фактор.

По мнению R. J. Sternberg, одаренность следует дифференцировать, учитывая ее ценностный аспект. Опираясь на теорию лидерства, он выделяет трансформационный и трансакционный вид одаренности, исходя из масштаба отдачи, инновационности, конструктивности и перспективности вклада, социальных оценок и ожиданий окружающих, соотношения внешней и внутренней мотивации личности. Под трансформационной одаренностью R. J. Sternberg понимает преобразующую одаренность, когда реализованный личностью дар привносит значимые, позитивные и устойчивые изменения в культуру, к которой она принадлежит, фокусируясь на позитивных и весомых изменениях [17]. В свою очередь, трансакционная одаренность тоже имеет отношение к продуктивным результатам, но трансакционно-одаренные люди

скорее преследуют личный интерес, они не стремятся внести какие-то изменения и новшества, а ориентированы на своеобразный обмен продуктов своей творческой деятельности на признание обществом, которое идентифицировало их как одаренных (символическая награда для личности) и ожидает от них высоких результатов и достижений [17]. R. J. Sternberg уточняет, что транзакционная и трансформационная одаренность не исключают друг друга и часто обусловлены ситуативно [10], однако это утверждение не столько проясняет критерий различия выделенных видов, сколько размывает его. На наш взгляд, эти виды одаренности должны интерпретироваться в формате личных успехов и достижений, обусловленных профессиональной самореализацией, и социального признания их вкладов и заслуг обществом, сложная комбинаторика которых подробно проанализирована В. Н. Келасьевым и И. Л. Первой [18].

Идея о трансформационной одаренности нашла свое дальнейшее развитие при анализе и содержательном наполнении ее различных вариантов в исследованиях R. J. Sternberg [10], D. Choi и J. C. Kaufman [19], поиске S. Mendaro теоретических обоснований и интерпретаций ее механизмов в рамках уже существующих теорий [20], углублении понимания детерминант применительно к различным культурным контекстам в работе E. M. Hines с соавторами [21].

В дополнении своей теории R. J. Sternberg с соавторами [22] предлагают рассматривать два вида трансформации – самотрансформация и трансформация Другого, сочетание которых дает возможность выделить четыре вида трансформационной одаренности: нетрансформационная одаренность, трансформационная одаренность, самореализованная одаренность и одаренность, реализованная в Других.

Мы предлагаем ввести еще один возможный вариант трансформационной одаренности, предполагающий: 1) устойчивую профессиональную и личностную идентичность, яркую самореализацию личности, высокий уровень компетентности и персональную ответственность, 2) существенный и признанный вклад в культуру, 3) трансформацию профессионального видения Других, но при этом некоторые перечисленные процессы диахронны, т. е. между ними имеется существенный временной разрыв.

Трансформационная одаренность К. С. Мельникова

Становление и развитие таланта К. С. Мельникова полностью соответствует рассмотренным выше этапам продуктивной одаренности [15], которые мы обозначим без детальной конкретизации, поскольку информация об этом имеется в литературе [23–25], но дополним ее некоторыми документальными высказываниями самого К. С. Мельникова (в тексте выделены курсивом), и тех, кто его хорошо знал [1, 23].

Потенциал – раннее проявление творческих способностей – любовь к рисованию – «рисунки тонкие с чувством» и изобретательству – «чудесное меня привлекало, тянуло удивить им всех» [1, с. 61].

Раскрытие – роль собственной семьи и супружества Владимира Михайловича Чаплина, известного ученого, инженера, предпринимателя в развитии творческих способностей, без помощи и поддержки которых вряд ли была возможна дальнейшая амплификация природного дара К. С. Мельникова. Как писал В. М. Чаплин в письме, адресованном К. С. Мельникову после его успеха на выставке 1925 года в Париже: «Я рад, что мне посчастливилось в этом худеньком мальчике угадать искру Божию» [цит. по: 23, с. 33], а сам Константин Мельников признает, что Владимир Михайлович отдал «свое сердце на развитие моих дарований» [1, с. 76].

Совершенствование – долгожданное поступление в училище живописи, ваяния и зодчества – «Моё имя стояло в числе одиннадцати счастливчиков, среди 270 претендентов» [1, с. 64], успешное обучение на трех отделениях – общеобразовательном, художественном, архитектурном и получение диплома архитектора в судьбоносном для страны и, как оказалось, самого Мельникова, 1917 году. Константин Мельников готов творить в стране, охваченной героическим пафосом, искать новые архитектурные формы, экспериментировать «на взрывах прошлого» [1, с. 124], когда архитектура призвана манифестировать достижения и преимущества нового общества языком зодчества.

Мастерство – К. С. Мельников становится членом Архитектурно-планировочной мастерской строительного отдела Моссовета, в которой разрабатываются новейшие проекты по реконструкции Москвы, и занимает должность профессора в Высших художественно-технических мастерских.

Возышение – творчество 1922–1931 годов – К. С. Мельников назвал «блестящим десятилетием беспрерывных и бесчисленных откровений своего времени» [1, с. 85], «золотым сезоном» [23, с. 106] – это время его триумфа и мирового признания: деревянный павильон «Махорка» на Всероссийской выставке в Москве в 1923 году представлял собой оригинальную и новую архитектуру и стал манифестом русского архитектурного авангарда, примером нового языка – языка экспрессии [23, с. 71]; саркофаг для мавзолея В. И. Ленина – удивительный сложной формы кристалл «с лучистой игрой внутренней световой среды» [1, с. 74], выполняющий не только свою прямую функцию, но впоследствии предоставляющий символическую защиту самому Мельникову; советский павильон на международной выставке в Париже в 1925 году с открытой диагональной лестницей, перекрытой двумя рядами наклонных плит, так что свет свободно проникал и «играя на красных плоскостях, рефлексом окрашивал посетителей – краснели все – хотели они того или не хотели» [23, с. 84], принес Мельникову мировую известность. Золотой период связан с реализацией 27 проектов К. С. Мельникова – гаражи с прямоточной системой расстановки машин, рабочие клубы и дома культуры с наружными лестницами, «живыми» стенами и вынесенными вовне зрительными залами, рынки, «пилообразные» дома для рабочих, все то, что необходимо было молодой стране. Созданные архитектурные сооружения, включая собственный дом-мастерскую, не только изменили облик Москвы, но и позволили ей занять заслуженное место на мировой архитектурной карте XX века. При этом отметим, что Константин Мельников никого не повторял и никогда не повторялся, играя пространством и используя «оркестр из танцующих форм» [1, с. 81].

А дальше... Смена идеологического дискурса государства – с самоотверженного пафоса и экспериментальных открытий самобытного пути развития и иного обустройства жизни, вдохновенных поисков новых языков и культурных кодов на традиционные и общепринятые формы имперского государства, призванные подчеркнуть его величие и монументальность, которая неизбежно отражается на специфике и востребованности любого искусства, тем более такого масштабного как архитектура. В это время у К. С. Мельникова большое количество нереализованных проектов, запрет его

персонального павильона на Миланском архитектурном триеннале в 1933 году, куда он был приглашен как известный русский архитектор и представитель мировой архитектурной элиты, ряд проигранных конкурсов с надуманными аргументами, а чаще и без них, уничижительная критика, а главное, невостребованность и забвение как архитектора – с 1936 года ни одной постройки!!! «Конец непокорному, и конец всему с титулом «Константин Мельников, архитектор» – пишет он [1, с. 84].

О К. С. Мельникове вспомнили и организовали выставку накануне его 75-летия в 1965 году (некоторые удивлялись, разве он еще жив?!). Трогательны его слова, сказанные на ее открытии: «Я не ожидал... Я очень тронут, потому что долго не был в таких условиях... Благодарю всех...» и еще удивительное, победное и очень точное высказывание: «Сегодня празднуется моя старость, но это молодость современного зодчества!» [23, с. 63].

В 1967 году К. С. Мельникову присудили ученую степень доктора архитектуры (по совокупности работ), а в 1972 году присвоили почетное звание заслуженного архитектора РСФСР, ЮНЕСКО объявляет 1990 год годом Мельникова, дом-мастерская в Кривоарбатском переулке Москвы приобретает новый статус и становится филиалом государственного музея архитектуры имени А. В. Щусева, организуется масштабная выставка «МЕЛЬНИКОВ / MELNIKOFF» (октябрь 2022 – февраль 2023 года). Происходит символическое и заслуженное возвращение русского архитектора Константина Мельникова в пантеон великих архитекторов мира.

Что помогло К. С. Мельникову сохранить свой дар, выдержать жесткую критику и отвержение, «разлад и неодинаковость со всеми остальными» [1, с. 81], выстоять и не свернуть с собственной дороги, не поддаться конформизму и пессимизму, не уступить и не отступить от своих представлений о природе, предназначении и инновационном пути развития искусства архитектуры, присоединившись к актуальному, востребованному в тот период течению, когда эстетика замещалась рациональным подходом? Что способствовало тому, что его самобытный талант, творческая интуиция и «идей на грани возможного» [1, с. 86] трансформировались в преобразующую одаренность, до сих пор оказывающую позитивное влияние на современный архитектурный язык?

Для ответов на поставленные вопросы хотелось бы предоставить право голоса самому Константину Степановичу Мельникову и, опираясь на его нарративы, реконструировать темпоральную идентичность и субъектность его личности, способствующие формированию трансформационной одаренности: позиционирование профессиональной деятельности как ценности – «Ввожу архитектуру в семью искусств, в этой благородной семье одна миссия: играть струнами человеческого сердца» [1, с. 88]; приверженность профессии и тотальная идентификация с ней – «Для меня говорить об архитектуре – это значит говорить о себе, и, наоборот, если я заговорю о себе, это значит – буду говорить об архитектуре» [1, с. 69]; отождествление себя с результатами своей деятельности: «Творчество там, где можно сказать – ЭТО МОЕ» [1, с. 77], отдельное место занимает дом-мастерская, состоящий в «равноценности и равномерности напряжений, света, воздуха и тепла» [24, с. 19], на фронтоне которого выбита надпись: «Константин Мельников архитектор» – «дом, как соло личности, гордо звучит в гуле и грохоте нестройных громад столицы» [1, с. 57]; профессиональная самореализация и самоэффективность – «характер моих произведений достаточно ясен, весьма заметен, легко запоминаем, трудно забываем» [1, с. 126], «фантастический Мельников по своим несбыточным проектам построил прямо в природе десятки самых реальных сооружений, получивших большую популярность у нас и за границей. Построить я построил, а мнение обо мне как о величайшем фантазере сохранилось до сего дня» [1, с. 126], самоосознавание, самопрезентация и частое использование самореферентных слов и местоимений: «Вы думаете, что я считаю себя гениальным? Нет, я – архитектор, это то же самое!» [1, с. 81]; активная конструктивная позиция и рефлексия ее значимости – «Я знаю: я призван в текущем веке восстановить выродившееся чутье и вновь говорить полной речью архитектурного языка» [1, с. 70]; экзистенциальные смыслы и социальная ответственность – «Считаю, что я близок к тому, чтобы оказаться переди эпохи архитектурного стиля» [1, с. 90]; настойчивость в выборе самобытного творческого пути и стремление двигаться по диагонали, не случайно диагональное направление – излюбленное средство в его проектах: «Диагональ – фея моей архитектуры» [1, с. 61], непоколебимость

и желание «сохранить самого себя в себе» [1, с. 89], принципиальность и «мужество поступать согласно убеждениям... состоянию своей природы и только в ней одной видеть себе опору» [1, с. 78]; ценностное отношение к себе и Другому – «Люблю личность, уважаю личность, берегу личность и услаждаю личность» [1, с. 87]; бескомпромиссность и готовность к борьбе – «Я люблю единоборство, как во французской борьбе: парами, честно и начисто» [1, с. 73].

Обсуждение и выводы

Профессиональная идентичность как ключевой компонент самосознания и важная составляющая социальной идентичности личности выступает основным ориентиром для конструирования ее отношений с миром и Другими, определяет вектора собственного развития и алгоритмы самодетерминации на определенном этапе онтогенеза и социализации в границах конкретного культурно-исторического хронотопа.

Профессиональная идентичность как основа профессиональной культуры и профессионального здоровья рассматривается Е. П. Ермоловой [26], Л. Б. Шнейдер [27], В. А. Емелиным с соавторами [28] в контексте развития и становления профессионала, соотнесенности его интенций и мотивов с целями, средствами и результатами деятельности, степенью вовлеченности и удовлетворенности выбранной ролью и сформированным отношением к профессии. Профессиональная идентичность, по мнению Н. Е. Водопьяновой с соавторами [29], последовательно и качественно преобразует интрасубъективные, интерсубъективные ресурсы, такие как рефлексивность, самостоятельность, автономность, интернальность, она характеризуется стадиальностью формирования, а с точки зрения Ю. Ю. Александровой с соавторами [30] имеет разные статусы и различную степень устойчивости, репрезентируясь, по С. В. Кучеренко [31], на микро-, мезо- и макросоциальном уровнях.

В контексте трансформационной одаренности правомерно говорить об устойчивой профессиональной идентичности личности, которая связана с высокой компетентностью и самореализацией, самосовершенствованием и мастерством, поиском сложных задач и нестандартных решений, креативностью и осознанием своей профессиональной уникальности и ответственности, отождествлением себя с опре-

деленной профессиональной группой. Важным для дискурса одаренности является этический и смысловой контент профессиональной идентичности, фокусирующий внимание на ее ценностном аспекте, а именно на отношении актора к выбранной деятельности как высшей ценности. Нам импонирует точка зрения Г. Зиммеля, согласно которой именно ценности позволяют личности выходить за рамки бытийных границ в состояние «более-чем-жизнь» [32, с. 75] и будучи рассмотренными с определенных позиций, локализуется в культуре. Заметим, что он имеет в виду не только вклады творцов, обладающих особой редкой индивидуальной одаренностью, но и всех тех, чье воображение творит содержание, наделенное уникальным значением.

Опираясь на идеи К. А. Абульхановой [33], А. В. Брушлинского [34], В. А. Петровского [35, 36], Е. А. Сергиенко [37], можно констатировать, что субъектность как общее универсальное основание для развития личности выступает еще одним регулятором, благодаря которому одаренность может приобрести статус трансформационной. Субъектность как авторство своей жизни предполагает открытость, честность и доверие личности себе, способность видеть и решать противоречия в виде проблемных задач и вырабатывать стратегию жизни как собственного бытия, высокий уровень активности, целостности, автономности, переживаемую само-причинность как возможность осуществлять самодетерминацию, включенность в мир, аутентичность и подлинность, контролируемость действий и поступков на разных уровнях ее развития, четкую жизненную позицию и умение ее отстаивать, одновременное проявление спонтанности и персональной ответственности. Субъектность включает осознанное, познавательное, деятельное, этическое и эстетическое отношение к миру, Другим, себе с ясным пониманием возможности внесения изменений в мир, варианты своего настоящего и будущего, управления личностных самоизменений на основе собственной системы целей и смыслов, конфигурации ценностей и приоритетных интересов, достижения реальной свободы в социальном контексте своего бытия.

Таким образом, синергия устойчивой профессиональной идентичности личности и ее активная субъектность обеспечивают перевод оформленного таланта в трансформационную одаренность, способную внести значимые конструктивные изменения и новаторские

преобразования в определенную область функционирования человека и шире – в культуру. Однако достижение синергетического эффекта возможно при наличии определенной конфигурации доминирующих ценностей культуры, воспроизводящим и творящим субъектом которой выступает одаренная личность, системы потребностей и эффективных ожиданий общества, ответственным членом которого она является, его социального запроса на данный вид одаренности и создание условий для ее проявления и амплификации.

Практическая значимость: результаты теоретической рефлексии могут служить основой для разработки технологий психологического сопровождения одаренной личности, выработки стандартов самопомощи и заботы о себе для предотвращения творческого кризиса, сохранения физического и психологического здоровья, а также фасилитации субъектности и формирования устойчивой профессиональной идентичности.

Библиографический список

1. Мельников К. С. Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика. М. : Искусство, 1985. 311с.
2. Донецкий Б. Н. Уроки Мельникова // Годы и люди (вып. 5, с. 145–154). Саратов : Приволжское книжное издательство, 1990. 315 с.
3. Рягузова Е. В. От дара Других к дару Другим: социокультурный аспект одаренности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 180–187. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-180-187>, EDN: NQNBQC
4. Богоявленская Д. Б., Пирлик Г. П. Ответ на необоснованность нового пути развития одаренности // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28, № 1. С. 132–141. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280108>, EDN: АЕМКР
5. Кабрин В. И. Транскоммуникативный подход в интерпретации личностной одаренности и креативности // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 154–160. EDN: PZEHPN
6. Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2011. 464 с. EDN: RBCBWB
7. Шумакова Н. Б. Творческий потенциал и его изменение в современных зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 4. С. 8–16. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100401>, EDN: KZDKBQ
8. Щебланова Е. И. Концепции и модели интеллектуальной одаренности детей: мировые тенденции и

- перспективы в XXI веке // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 2. С. 23–36. <https://doi.org/10.11621/TEP-23-10>, EDN: CNLILP
9. Юркевич В. С. От детской одаренности к реальному таланту: проблема «перехода» // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 4. С. 33–43. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100403>, EDN: CCLSTZ
10. Sternberg R. J. Transformational vs. Transactional Deployment of Intelligence // Journal of Intelligence. 2021. Vol. 9, iss. 1. Article 15. <https://doi.org/10.3390/jintelligence9010015>
11. Tannenbaum A. J. Gifted Children: Psychological and Educational Perspectives. New York : Macmillan Publishing, 1983. 527 p.
12. Sternberg R. J. Giftedness as Developing Expertise: A theory of the interface between high abilities and achieved excellence // High Ability Studies. 2001. Vol. 12, № 2. P. 159–179. <https://doi.org/10.1080/13598130120084311>
13. Sternberg R. J. WICS as a model of giftedness // High Ability Studies. 2003. Vol. 14, № 2. P. 109–137. <https://doi.org/10.1080/1359813032000163807>
14. Subotnik R. F., Olszewski-Kubilius P., Worrell F. C. Unlocking Creative Productivity: A Talent Development Approach // Journal of Modern Foreign Psychology. 2021. Vol. 10, № 4. P. 17–32. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100402>
15. Paik S. J., Kunisaki L. T., Tran V. Q., Marshall-Harper K. R. Understanding the talent development of notable artists and scientists of color and women: Why contextual factors matter // European Journal of Training and Development. 2022. Vol. 47, № 3/4. P. 301–326. <https://doi.org/10.1108/ejtd-07-2021-0100>, EDN: DIQPJE
16. Грязева-Добшинская В. Г., Петровский В. А. Одаренные дети: экология творчества. М. ; Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 1993. 45 с. EDN: YHLBJR
17. Sternberg R. J. Transformational Giftedness: Rethinking Our Paradigm for Gifted Education // Roeper Review. 2020. № 42. P. 230–240. <https://doi.org/10.1080/02783193.2020.1815266>
18. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Успех в жизни: личное и общественное // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018. Т. 29, № 1. С. 137–142. EDN: WAEWKC
19. Choi D., Kaufman J. C. Respecting the Invisible: Transactional and Transformational Approaches to Giftedness // The Palgrave Handbook of Transformational Giftedness for Education / eds. R. J. Sternberg, D. Ambrose, S. Karami. Cham : Palgrave Macmillan, 2022. P. 43–59. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91618-3_3
20. Mendaglio S. Sternberg's transformational and transactional giftedness: A Dabrowskian interpretation // SENG Journal: Exploring the Psychology of Giftedness. 2023. Vol. 2, № 2. P. 35–42. <https://doi.org/10.25774/6bjv-4j73>
21. Hines E. M., Ford D. Y., Middleton T. J., Fletcher E. C., Moore III J. L., Wright B. L., Grantham T. C. Good Trouble, Necessary Trouble: Adding Culture to Transformational Giftedness // Roeper Review. 2023. Vol. 34, № 3. P. 150–160. <https://doi.org/10.1080/02783193.2023.2212370>
22. Sternberg R. J., Chowkase A., Desmet O., Karami S., Landy J., Lu J. Beyond Transformational Giftedness // Educ. Sci. 2021. Vol. 11, iss. 5. Article 192. <https://doi.org/10.3390/educsci11050192>
23. Хан-Магомедов С. О. Константин Мельников. М. : Архитектура-С, 2006. 296 с. EDN: QNMMSD
24. Кузнецов П. В. Дом Мельникова. Шедевр авангарда, жилой дом, архитектурный музей. Berlin ; M. : Dom publishers ; Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, 2017. 223 с.
25. Морозов И. В. Моральний закон Дома, или Мгновенность соло личности (к 130-летию рождения Константина Мельникова) // Искусство и культура. 2020. Т. 1, № 37. С. 52–58.
26. Ермолова Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2003. № 3. С. 56–65. EDN: THLMIN
27. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М. : МОСУ, 2001. 272 с. EDN: SXONER
28. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 4. С. 115–135. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.05>, EDN: WBNFSL
29. Водопьянова Н. Е., Гофман О. О. Профессиональная идентичность с позиций субъектно-ресурсного подхода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 2. С. 6–17. EDN: WJDFNH
30. Александрова Ю. Ю., Пряжников Н. С., Румянцева Л. С. Статусы идентичности в профессиональном самоопределении: постановка проблемы // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. Т. 3, № 55. С. 64–77. EDN: YKYOKE
31. Кучеренко С. В. Категориальный анализ понятия «профессиональная идентичность» // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2021. Т. 1, № 53. С. 127–132. EDN: UOJLHC
32. Зиммер Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 607 с.
33. Абульханова К. А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 2. С. 5–18. EDN: SDVFST
34. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «Модэкс», 1996. 392 с. EDN: TERKXV
35. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 272 с.
36. Петровский В. А. Субъектность Я в персонологической ретроспективе // Мир психологии. 2021. Т. 105, № 1-2. С. 174–193. EDN: KENLUO

37. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. 390 с. EDN: OGNLRM

References

- Melnikov K. S. *Arkhitektura moyey zhizni. Tvorcheskaya kontsepsiya. Tvorcheskaya praktika* [The architecture of my life. Creative conception. Creative practice]. Moscow, Iskusstvo, 1985. 311 p. (in Russian).
- Donetsky B. N. *Uroki Mel'nikova. Gody i lyudi* (vyp. 5, p. 145–154) [Lessons of Melnikov. Years and People (iss. 5, pp. 145–154)]. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 315 p. (in Russian)
- Ryaguzova E. V. From the gift of Others to the gift for Others: a sociocultural aspect of giftedness. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 180–187 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-180-187>, EDN: NQNQC
- Bogoyavlenskaya D. B., Pirlik G. P. A response to the unfoundedness of a new way of developing giftedness. *Psychological Science and Education*, 2023, vol. 28, no. 1, pp. 132–141 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/pse.2023280108>, EDN: AEMKPK
- Kabrin V. I. Transcommunicative approach to the interpretation of personal giftedness and creativity. *Bulletin of Tomsk State University*, 2013, no. 369, pp. 154–160 (in Russian). EDN: PZEHPN
- Ushakov D. V. *Psichologiya intellekta i odarennosti* [Psychology of intelligence and giftedness]. Moscow, Publ. House “Institute of Psychology RAS”, 2011. 464 p. (in Russian). EDN: RBCBWB
- Shumakova N. B. Creativity and its measurement in modern foreign research. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021, vol. 10, no. 4, pp. 8–16 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100401>, EDN: KZDKBQ
- Shcheblanova E. I. Concepts and models of intellectual giftedness in children: Global trends and prospects in the 21st century. *Theoretical and Experimental Psychology*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 23–36 (in Russian). <https://doi.org/10.11621/TEP-23-10>, EDN: CNLILP
- Yurkevich V. S. From childhood giftedness to real talent: The problem of “transition”. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021, vol. 10, no. 4, pp. 33–43 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100403>, EDN: CCLSTZ
- Sternberg R. J. Transformational vs. Transactional Deployment of Intelligence. *Journal of Intelligence*, 2021, vol. 9, iss. 1, article 15. <https://doi.org/10.3390/jintelligence9010015>
- Tannenbaum A. J. *Gifted Children: Psychological and Educational Perspectives*. New York, Macmillan Publishing, 1983. 527 p.
- Sternberg R. J. Giftedness as Developing Expertise: A theory of the interface between high abilities and achieved excellence. *High Ability Studies*, 2001, vol. 12, no. 2, pp. 159–179. <https://doi.org/10.1080/13598130120084311>
- Sternberg R. J. WICS as a model of giftedness. *High Ability Studies*, 2003, vol. 14, no. 2, pp. 109–137. <https://doi.org/10.1080/1359813032000163807>
- Subotnik R. F., Olszewski-Kubilius P., Worrell F. C. Unlocking Creative Productivity: A Talent Development Approach. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021, vol. 10, no. 4, pp. 17–32. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100402>
- Paik S. J., Kunisaki L. T., Tran V. Q., Marshall-Harper K. R. Understanding the talent development of notable artists and scientists of color and women: Why contextual factors matter. *European Journal of Training and Development*, 2022, vol. 47, no. 3–4, pp. 301–326. <https://doi.org/10.1108/ejtd-07-2021-0100>, EDN: DIQPJE
- Gryazeva-Dobshinskaya V. G., Petrovsky V. A. *Odarennye yedeti: ekologiya tvorchestva* [Gifted children: The ecology of creativity]. Moscow, Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture Publ., 1993. 45 p. (in Russian). EDN: YHLBJR
- Sternberg R. J. Transformational Giftedness: Rethinking Our Paradigm for Gifted Education. *Roepers Review*, 2020, no. 42, pp. 230–240. <https://doi.org/10.1080/0278-3193.2020.1815266>
- Kelasiev V. N., Pervova I. L. Success in life: Personal and public. *Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2018, vol. 29, no. 1, pp. 137–142 (in Russian). EDN: WAEWKC
- Choi D., Kaufman J. C. Respecting the Invisible: Transactional and Transformational Approaches to Giftedness. In: Sternberg R. J., Ambrose D., Karami S., eds. *The Palgrave Handbook of Transformational Giftedness for Education*. Cham, Palgrave Macmillan, 2022, pp. 43–59. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91618-3_3
- Mendaglio S. Sternberg's transformational and transactional giftedness: A Dabrowskian interpretation. *SENG Journal: Exploring the Psychology of Giftedness*, 2023, vol. 2, no. 2, pp. 35–42. <https://doi.org/10.25774/6bjv-4j73>
- Hines E. M., Ford D. Y., Middleton T. J., Fletcher E. C., Moore III J. L., Wright B. L., Grantham T. C. Good Trouble, Necessary Trouble: Adding Culture to Transformational Gifted and Talented Students and Programs. *Roepers Review*, 2023, vol. 45, no. 3, pp. 150–160. <https://doi.org/10.1080/02783193.2023.2212370>
- Sternberg R. J., Chowkase A., Desmet O., Karami S., Landy J., Lu J. Beyond Transformational Giftedness. *Educ. Sci.*, 2021, vol. 11, iss. 5, article 192. <https://doi.org/10.3390/educsci11050192>
- Khan-Magomedov S. O. *Konstantin Mel'nikov* [Konstantin Melnikov]. Moscow, Arkhitektura-S, 2006. 296 p. (in Russian). EDN: QNMMSD
- Kuznetsov P. V. *Dom Mel'nikova. Shedevr avangarda, zhiloy dom, arkhitekturnyy muzey* [Melnikov House. A masterpiece of avant-garde, residential house, architectural museum]. Berlin, Dom publishers, Moscow, State Research Museum of Architecture named after A. V. Shchuseva Publ., 2017. 223 p. (in Russian).

25. Morozov I. V. The Moral Law of the House or Multiidentity of the Personality Solo (on Konstantin Melnikov's 130th Birthday). *Arts and Culture*, 2020, vol. 1, no. 37, pp. 52–58 (in Russian).
26. Ermolaeva E. P. Professional identity and marginalism: Concept and reality. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 2003, no. 3, pp. 56–65 (in Russian). EDN: THLMIH
27. Schneider L. B. *Professional'naya identichnost'* [Professional identity]. Moscow, MOSU Publ., 2001. 272 p. (in Russian). EDN: SXONER
28. Emelin V. A., Rasskazova E. I., Ivanova T. Yu. Professional identity and professional satisfaction as factors of well-being in the workplace. *Moscow University Psychology Bulletin, Серия 14: Psychology*, 2022, no. 4, pp. 115–135 (in Russian). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.05>, EDN: WBNFSL
29. Vodopyanova N. E., Gofman O. O. Professional identity from the subjectival-resourceful perspective. *Vestnik of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2016, no. 2, pp. 6–17 (in Russian). EDN: WJDFNH
30. Alexandrova Yu. Yu., Pryazhnikov N. S., Rumyantseva L. S. Identity statuses in professional self-determination: Problem statement. *New in Psychological and Pedagogical Research*, 2018, vol. 3, no. 55, pp. 64–77 (in Russian). EDN: YKYOKE
31. Kucherenko S. V. Categorical analysis of the concept of "professional identity". *Humanities (Yalta)*, 2021, vol. 1, no. 53, pp. 127–132 (in Russian). EDN: UOJLHC
32. Simmel G. *Izbrannoye: v 2 t. T. 2. Sozertsaniye zhizni* [Selected works: in 2 vols. Vol. 2. Contemplation of life]. Moscow, Yurist, 1996. 607 p. (in Russian).
33. Abulkhanova K. A. Methodological principle of the subject: Study of the life path of an individual. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 2014, vol. 35, no. 2, pp. 5–18 (in Russian). EDN: SDVFST
34. Brushlinsky A. V. *Sub"yekt: myshleniye, ucheniye, voobrazheniye* [Subject: Thinking, learning, imagination]. Moscow, Institute of Practical Psychology Publ., Voronezh, NPO "Modek" Publ., 1996. 392 p. (in Russian). EDN: TERKXV
35. Petrovsky V. A. *Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"yektnosti* [Personality in psychology: The subjectivity paradigm]. Rostov-on-Don, Feniks, 1996. 272 p. (in Russian).
36. Petrovsky V. A. Subjectivity of the Self in a personological retrospective. *The World of Psychology*, 2021, vol. 105, no. 1-2, pp. 174–193 (in Russian). EDN: KENLUO
37. Sergienko E. A. *Psikhicheskoye razvitiye s pozitsiy sistemno-sub"yektnogo podkhoda* [Mental development from the standpoint of the system-subject approach]. Moscow, Publ. House "Institute of Psychology RAS", 2021. 390 p. (in Russian). EDN: OGNLRM

Поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 09.11.2024;

принята к публикации 16.12.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 09.11.2024;

accepted for publication 16.12.2024; published 31.03.2025